

Александр
КАРПОВ

Стихотворения

Барнаул
Книжная серия
Основана
в августе 1992 года
1(23)/2000 год

Август

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

656099, г. БАРНАУЛ-99, а/я 3944.

*Учредитель, издатель, редактор - В. Е. Тихонов,
ответственный секретарь - О. В. Тихонова,
художественный редактор - А. А. Карпов.*

"Искусство - это обмен впечатлениями"

Он - выпускник художественной школы Барнаула и художественно-графического факультета Костромского педагогического института. Участвуя в коллективных выставках молодых художников Алтая и в фестивалях самодеятельной песни, он перерос "широкую известность в узких кругах" художников, поэтов, авторов-исполнителей, музыкантов. Знают его и по персональным выставкам, по песням из радиопередач, по работам в жанре книжной графики - он оформил и проиллюстрировал не один десяток книг поэтов и прозаиков Алтая.

Работает он художником-дизайнером в газетах "Алтайская неделя" и "Вечерний Барнаул", является художественным редактором книжной серии "Август".

- Александр, моральное удовлетворение от проведенной выставки - это хорошо. А каково материальное? Извини, пожалуйста, за меркантильность первого вопроса.

- Ну что об этом говорить!.. Отвечая на вопрос, скажу так: достаточно малое (смеется. - В. Т.). Мне интересно не просто выставить свои картины, но и пообщаться с посетителями выставки, что я и делал в наших вузах - политехническом и педагогическом. Кстати, в политехе общение зашло далеко - я там в течение года вел спецкурс. В педагогическом тоже всегда было очень живое общение.

Вообще, любой вид искусства предполагает обоюдный обмен мыслями и чувствами - впечатлениями: автор - слушатель, автор - зритель, автор - читатель. Автор получает особое удовольствие от завершенной работы, если она интересна людям.

- Ты на своих выставках представляешь не только картины, но и песни. Двойное амплуа позволяет полнее раскрыться тебе и тем, кто идет на встречу с тобой. Ты согласен, что тебе везет, если вспомнить известное выражение: общение - самая большая роскошь?

- Согласен. Я с умилением вспоминаю, как студенты педагогического университета делали не только записи в книге отзывов, но и писали что-то вроде сочинений о моих отдельных картинах и о выставке в целом. Известно же, что если хотя бы на одного человека положительно действуют работы художника, то, значит, он не зря корпел.

- Скажи мне, кто или что вдохновляет тебя на создание картин, стихотворений, песен, и я скажу, о чем ты пишешь.

- Хорошее перефразирование... Вдохновляет и литература, и искусство, и музыка, сама жизнь, а люди - прежде всего.

- Может ли тебя вдохновить, настроить на работу какое-то негативное явление?

- Может. Война, например. Не дай Бог! Но я рассматриваю ее как зло, а не как конкретное событие, то есть пропускаю через свое понимание, через свою систему образов - обобщаю настолько, насколько мне это дано.

- Какое амплуа для тебя главное - художника, поэта, автора-исполнителя?

- Рисовать я начал в раннем-раннем детстве и, помню, всегда хотел стать настоящим художником. Поэтому я самому себе интереснее как художник. А бардовский уклон проявился у меня позже - в годы студенческой юности.

- Я правильно понял, что твои песни - это настроения, а не сюжеты?

- Да. Я, кажется, ухожу от сюжетов, поэтому мои песни - это лирика. Что ж, так устроен мой песенный организм.

- Насколько тебе сложно, интересно объединять в себе два дара?

- До недавнего времени две эти ипостаси не очень-то соприкасались. Работая красками, я нахожусь в одних ощущениях, а работая со словом, - в других. Полагаю, что это видно, например, тематически. Подмечают это мои зрители-слушатели, когда пишут или говорят в таком духе: «Ну надо же! По картинам мы думали, что вы ужасный мистик и тому подобное, а по песням - вы совершенно другой: добрый, хороший». Я отвечаю: «Ну, в людях, бывает, уживаются противоположности».

- Что для тебя важнее в песнях и в картинах - сюжет или настроение?

- Сюжет, считаю, служит настроению, то есть через него передается настроение.

- Согласен ли ты с теми, кто считает,

что в песне стихи могут быть проще?

- Я согласен с Окуджавой: «Каждый пишет, как он дышит. Как он дышит, так и пишет...».

- С эстрады мы чаще слышим песни на стихи Резника, Танича, Воропаевой, а не на стихи Блока, Есенина, Пастернака, Рубцова...В песнях стихи часто довольно примитивны. Есть песни на стихи настоящих поэтов, но у них уже свой, более подготовленный (сейчас говорят - «продвинутый») слушатель. Что скажешь на этот счет?

- Могу порассуждать. Все идет от уровня развития внутреннего мира конкретных людей: чем проще все устроено - стихи, музыка, тем проще и быстрее воспринимается. Отсюда и процветание массовой культуры, ширпотреб. А сложному художественному произведению необходим зритель, читатель, слушатель со сложным внутренним миром, с высоким уровнем образования и так далее. Вот, кстати, почему так мало поклонников - любителей и ценителей - классической музыки. Большинству она непонятна, недоступна. И большинство это «тащится от попсы» и других музыкальных направлений. Так что - все зиждется на личностном уровне.

А личность - это результат работы над собой. Ее, личности, не может быть, если человек предпочитает только развлекаться. Тут надо помнить: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь...».

- Скажи, пожалуйста, художник, работающий в газете дизайнером, - это интересно, «это кому-нибудь нужно»?

- Так сложилось. Мне эта работа нравится: плакаты и плакатики, этикетки и календари, рекламные проспекты и прочее, прочее... Честно говоря, интереснее иллюстрировать работы наших журналов рисунками, фотоколлажами. Опять же это - общение. Ну и заработок, чтобы купить что-то для «жизни и творчества» (смеется. - В.Т.): краски, холсты, рамы...

**Беседовал Валерий Тихонов.
Газета "Вечерний Барнаул",
3 февраля 1999 г.**

Воздух свеж. Колок снег.
На снегу - человек.

Он ничем не накрыт.
Он как будто бы спит.

А напротив - Дантес.
А вокруг - чёрный лес...

Вся Россия доныне
тихо плачет о сыне...

Wassily K.

Мы - маленькие злые дети.
Земля - наш общий детский дом.
Еще одно тысячелетье
мелькнуло за слепым окном.

А в наших играх, как и прежде,
война до самого конца -
без озарений и надежды,
под аккомпанемент свинца.

И оловянные солдаты,
не сомневаясь, в бой идут,
а далее - кто в медсанбаты,
а кто в кладбищенский приют.

И замок из песка разрушен,
и разорён цветущий край,
игрушек маленькие души
летят в игрушечный свой рай.

На растерявшейся планете
от городов, селений - прах...
Мы - маленькие злые дети.
И наша участь - боль и страх.

Христос воскрес уже в который раз.
Соборы шапки новые надели.
И веселей с иконы смотрит Спас,
и все слабее вьюги и метели.

И мы прощали и топили злость
кто в чём сумел и что кому досталось,
ведь каждый в этом мире только гость.
И мы меняли злость свою на жалость,

сметали паутину с образов
и долго так, глаза в глаза, смотрели.
Ах, если бы из всех хороших слов
нам выстроить преграду для метелей.

И кажется, что всё уж позади
и места нет тревогам и сомненьям...
Но Ты сюда, Христос, не приходи -
Тебя опять распнут без сожаленья.

Был щедрым год. Плоды пригнули ветки.
Сошёл с небес Божественный Стрелец.
И путь стрелы традиционно меткой
пролёг туда, где мой стоял отец.

Стоял отец и думал о суетном:
шальные цены, вид на урожай
(стрела для всех летела незаметно),
дурные власти, крики птичьих стай...

Стоял отец. Луч солнечного света
скользил по серой плоскости стены.
С тоской в глазах на нет сходило лето,
и гнали мяч куда-то пацаны.

...Стрела прошла навывлет и упала.
Удачный выстрел. Впрочем, как всегда.
А в небесах, где солнце догорало,
вдруг засияла ранняя звезда.

1954

Хороший умер человек,
такому ж быть - едва ли,
но не пошёл средь лета снег,
деревья не упали,
не прекратился шум и гам
и меньше зла не стало...
А в это время к облакам
душа его взлетала.

Ну почему, как прежде, день
был птицами озвучен
и не укрылось солнце в тень
от непомерной тучи?
Сидели люди по домам,
и музыка играла...
А в это время к облакам
душа его взлетала.

Она летела в облаках
к последнему пределу.
Улыбка стыла на губах,
и сердце холодело...
А там, внизу, ложились спать
и шурились устало...
Им завтра новый день встречать.
Их всех душа прощала.

1947

Вот поднят якорь. Капитан
ведёт корабль в дальний путь.
Вечерний дремлет Зурбаган.
Вернусь ли я когда-нибудь

сюда, где улочки тесны
(расширь попробуй их, расправь),
где явь, похожая на сны,
и сны, похожие на явь?

Здесь море бьётся о причал,
как странник в запертую дверь.
Здесь средоточье всех начал
и обречение всех потерь.

Здесь вишни в садиках цветут,
повсюду вторит им сирень,
здесь песни светлые поют
и день, и ночь, и ночь, и день.

Здесь дарят женщины любовь
лишь тем, кто дорог им и мил
за силу рук и нежность слов.
И я здесь искренне любил.

И никогда мне не забыть
ни этих улиц, ни домов,
и никогда не разлюбить
людей цветенье и садов.

По склонам стелется туман,
вползает в дворики домов.
Вечерний дремлет Зурбаган,
поддавшись чарам сладких снов.

Мы расстаёмся навсегда,
прощай, мой город, - явь ли, сон,
туманом скрытый без следа.
А был ли он...

Лёгкой сеткой дождя
город древний укрыт,
в переулках его
чья-то песня звенит.

По избитым камням
мимо серых домов
среди тихих людей
и несбывшихся снов

я спешу наугад,
я почти что бегу,
но тот голос живой
я найти не могу!

Мне б прервать хоть на миг
вечный времени лёт!
Только голос звучит,
всё зовёт и зовёт...

Слёзы ангелов -
струи дождей косые,
только это не Англия,
это, скорей, Россия,
а вернее - Сибирь,
где медведи такие злые...
Край дождей, неба ширь,
ну и струи дождей косые.

Окна тёмные,
словно глаза без мысли.
Понял я - жизнь никчёмная.
Руки плетью повисли.
Это осень, сестра.
Я и сам-то себе не нравлюсь.
Оттого и хандра.
Ничего, я, наверно, справлюсь.

Где-то Англия,
мне же какое дело.
Где-то там же и ангелы,
стая их поредела.
Оттого и слеза,
оттого и дожди косые...
Не могу за глаза
и в глаза не могу - Россия.

Сосны свечками -
храм под открытым небом.
Только это и вечное,
всё остальное - небыль.
Оттого и хандра,
ведь Сибирь же, а как иначе...
Альбион, дождь с утра,
пожелай мне, сестра, удачи.

Давай станцуем менуэт,
ещё не знаю как.
Сквозь череду и зим и лет,
погоды кавардак,

по берегам прозрачных рек,
по медленной воде,
взметая пыль и белый снег
повсюду и везде.

И дети будут нам кричать
о чём-то громко вслед,
но на устах твоих печать,
и я смолчу в ответ,

а мир, на миг остановясь,
раскроет свой секрет,
что всё имеет смысл и связь
и что секретов нет.

Давай станцуем менуэт,
скользя в руке рука,
и пусть он будет как привет,
пришедший сквозь века,

века завитых париков
и восковых свечей,
сквозь чад портовых кабаков
и пламенных речей.

Когда на стыке всех дорог
сойдутся тьма и свет,
давай же выйдем за порог,
станцуем менуэт.

Когда приходит новый год
за старым годом вслед,
наверно, каждый чуда ждёт,
а чуда - нет и нет.

И не звонят колокола -
звонарь напился пьян,
его машина увезла
куда-то в тёплый стан.

И облетает мишура,
и гаснет яркий свет,
а жизнь все та же, что вчера,
и чуда нет и нет.

Заносит снегом всех, кто ждал
каких-то перемен.
А я всю эту ночь проспал
в плену у старых стен.

Прошёл, как видно, стороной
волшебник - старый Дед...
Я не с тобой. Ты не со мной.
И чуда нет и нет.

Мне не пришлось в жизни ещё
белую ночь видеть хоть раз.
Чёрная ночь тихо живёт
в блеске моих северных глаз.

Мягким крылом машет она,
чтобы я мог быстро уснуть,
но, лишь усну, видится мне
в белой ночи белый мой путь.

Быстро иду по мостовой -
белой, как дым, чистой, как снег, -
в городе том, что отражён
в белой воде медленных рек.

А по домам, белым, как мел,
тени скользят белых людей.
Белым стихом пишет поэт
о белизне прожитых дней.

Белый трамвай, громко звеня,
рвёт на куски сон и покой,
а из него девушка мне
машет, смеясь, белой рукой.

Вот и конец белому сну.
Чёрная ночь снова кругом.
Ах, как мне жаль, белая ночь,
что ты была только лишь сном.

Ах, как мне жаль, как же мне жаль!
Вряд ли тут кто сможет помочь.
Белый трамвай, девичий смех,
белая ночь...

Я сотворил тебя из собственных фантазий,
а после до тебя сумел подняться сам.
Не опускай, прошу, меня с размаха наземь,
позволь мне побродить с тобой по небесам.

Я сотворил тебя из мрамора надежды,
из гипса грёз ночных, из дерева мечты,
одел тебя в любви волшебные одежды,
позволь же мне с тобой по облаку пройти.

Я научу тебя похожей быть на птицу,
раскинув руки, плыть над миром и мечтать
и сверху узнавать людей знакомых лица,
которым не дано, как нам с тобой, летать.

Я расскажу тебе преданья дней минувших,
в которых явь и сон навек переплелись.
Я покажу тебе вершины гор уснувших
и городов больших раскрашенную жизнь.

Не опускай, прошу, меня с размаха наземь,
дай полетать с тобой над этим миром всласть.
Я сотворил тебя из собственных фантазий...
Ну как же ты смогла взять надо мною власть?

Ты слышишь - за окнами ночь?
Ты слышишь? Ну что ты молчишь?
Ты слышишь? Она же точь-в-точь
скребётся, как серая мышь.

Ты слышишь - упала звезда?
А кто-то поднял и унёс.
Ты слышишь? Идут поезда.
Надеюсь, что не под откос.

В вагонах на полках народ,
привыкший к дорожной судьбе,
негромкие песни поёт,
но песен не слышно тебе.

Ты слышишь, как капли росы
срываются с заспанных крыш?
Им вторят устало часы...
А ты? Ты не слышишь - ты спишь.

Сыплются в лицо снежные опилки,
ветер, как котёнок, ласково ворчит,
а среди ветвей голубых деревьев
еле уловимо музыка звучит.

Не понять душе в снежной круговерти,
кто поёт, а это - белая зима
отпевает осень на своём погосте,
одевая в саван землю и дома.

Лёгкий звон плывёт в воздухе прозрачном.
Бьют часы двенадцать. Серебристый звон.
Замер целый мир вдруг насторожённо,
с болью силясь вникнуть - что вещает он.

Но тревога зря проникает в души,
он не бессердечен - этот дивный звон,
просто новый круг совершён природой -
бродит по дорогам Белый Скорпион.

Нарисовал художник дом,
и поселились люди в нём.
Купили книги, стол, кровать
и стали жить да поживать.

Варился суп, кричал малыш,
в норе точила зубымышь.
Упругий дождь и звонкий гром
не задевали этот дом.

В окно струился солнца свет
и падал пятнами на плед,
кричали птицы за окном,
и был счастливым этот дом.

Но где-то лопнула струна,
и неизвестно, чья вина,
а только холод в дом вошёл
и сел хозяином за стол.

И смех растаял, словно лёд.
И больше в доме не живёт
ни ласка рук, ни нежность слов,
да мало ль есть таких домов.

Художник свой рисунок взял.
"Не получилось", - он сказал,
вздыхнул устало, а потом
резинку взял и стёр весь дом
и всех, кто поселился в нём...

Бывает, не спится ночами,
хоть нету вины за плечами,
в глазах моих сон не гнездится,
как будто должно что случиться.

И я поднимаюсь устало,
а женщина под одеялом
спит, дышит спокойно и ясно,
как будто всё в жизни прекрасно.

Смотрю сквозь стекло на дорогу,
бегущую вдаль от порога...
А может, в конце той дороги
спасенье моё от тревоги?

Мне приснилась лошадь белая
на сиреновой траве
(и собака ошалелая
с круглой дыркой в голове).

Звёзды прыгали как мячики,
будто кто-то их пинал,
и смеялись тихо мальчики.
Кто они, я их не знал.

И смеялась лошадь белая
на сиреновой траве
(и собака ошалелая
с круглой дыркой в голове).

И втянулось небо звёздное
в эту дырку, словно в люк...
Я проснулся - время позднее,
а ко мне стучится друг.

Он кричит, что всё завьюжило -
все дороги, все пути,
и жена вот занедужила:
"Помоги её спасти!"

И глядит он так униженно,
словно всё в моих руках,
и дрожит слеза обиженно
на невыбритых щеках...

Мне же мнится лошадь белая
на сиреновой траве
(и собака ошалелая
с круглой дыркой в голове)...

Снова осень обложила нас дождями,
хороводом жёлтых листьев заметая.
В эту пору расстаёмся мы с друзьями,
уходя или, как птицы, улета.

Осень - время неожиданной разлуки,
осень - место, где, теряя, не находят,
осень - это исчезающие звуки
и друзья, что в никуда от нас уходят.

Белым дымом расстилаются туманы,
заполняя всё свободное пространство,
и над ними птиц летящих караваны,
проклинаящих себя за постоянство.

А в лесах пожар, похожий на лисицу, -
всё горит, но никого не обжигает:
ни прохожего, ни зверя и ни птицу...
Вы поверьте, это осенью бывает.

Ветер тучи гонит, как пастух овец,
в этом деле его миссия простая.
Нарисованный заплакал человек,
по стеклу поплыл и стёрся, и растаял.

Он словно выпал из гнезда,
он в ноль часов покинул дом.
Сияла синяя звезда
над занавешенным окном,

и прекратило время бег,
весьма довольное собой.
Куда идёшь ты, человек?
Кого оставил за собой?

А в чёрном доме у окна
за шторой женщина стоит.
Уже одна. Уже одна.
Безмолвно в ночь она глядит.

И неподвижен тёмный взгляд.
В ветвях запуталась луна.
Звезда упала с неба в сад.
Ещё одна. Ещё одна...

Я ехал и плакал
(я просто сбежал),
а дождик всё капал -
следы заметал.

А там, на перроне,
что в прошлом моём,
в смешном капюшоне
стоит под дождём
душа человечья -
чего-то всё ждёт,
но поезд беспечно
идёт и идёт...

А вдруг это тоже
ошибка моя?
Совсем не стреножен,
свободен был я...

Но там, на перроне,
что в прошлом моём,
в смешном капюшоне
стоит под дождём
душа человечья,
чего-то всё ждёт...
А поезд беспечно
идёт...

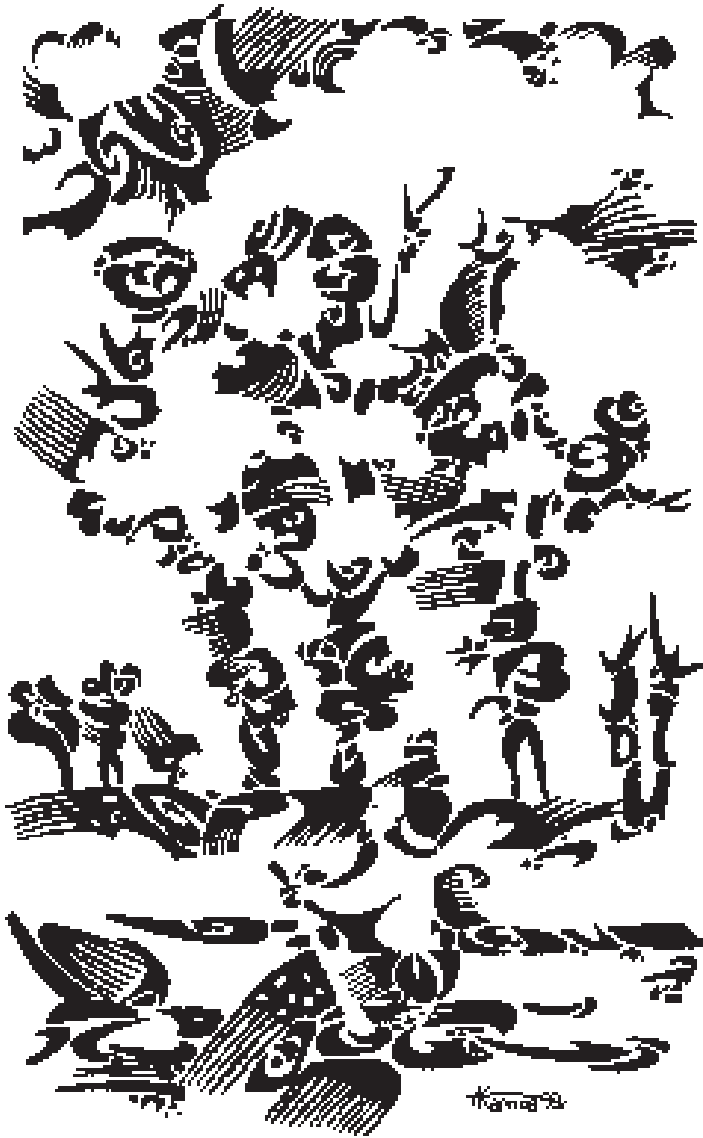
По пустынным улицам
ветер гонит листья,
парочки целуются
под луной пятнистой,
окна занавешены
голубыми шторами,
жизнь идёт неспешная,
может, за которыми.

По пустынным улицам
под луной унылой,
то слегка нахмурившись,
то с улыбкой милой,
красотой отмечена,
с ленточкою алой
бродит тихо женщина
по земле усталой.

Шепчет что-то грустное
деревам и птицам,
может быть, предчувствует,
что беда случится,
что не зря волнуются
тополя и клёны -
покидает улицы
их наряд зелёный.

А за теми шторами
ни тепла, ни света,
и кружатся вороны,
проводя лето,
и вздыхает женщина,
тронув лист рукою,
а луна на плечи ей
сыплет голубое.

Парочки целуются.
Ветер гонит листья.
Кто там бродит улицей?
Кто к нам в дверь стучится?
То, никем не встречена,
словно не бывала,
бродит тихо женщина
по земле усталой...

Вот бакенщик зажёт огни,
и сразу небо потемнело,
где облака, как корабли,
плывут в далёкие пределы.

Фарватер цепочкой огней
прикован к лежбищу речному,
спокойно туши кораблей,
как облака, путь держат к дому.

Стоит над миром тишина,
огни подмигивают звёздам,
с волною шепчется волна
о чём-то влажном и серьёзном.

Темна бегущая вода,
луна дрожит в ней жёлтым бликом,
а запоздавшие суда
пугают ночь тревожным криком.

Вот чайки дремлют на волнах,
им страны сказочные снятся,
парит там рыба в облаках,
и так смешно за ней гоняться.

Качает бакены волна,
огни на них как будто пляшут,
и неба звёздная страна
как опрокинутая чаша.

А бакенщик плывёт домой,
свершив привычную работу.
Он трубку курит и порой
ворчит негромко на кого-то.

С утра ему опять сюда,
он ночь свернёт, погасит звёзды...
И будет так же петь вода
о чём-то вечном и серьёзном.

Я принимал за "чистую монету"
зелёный шум берёз и тополей,
и, как дикарь, я поклонялся лету
и гнал в ночное розовых коней.

Хвостом махнула рыжая лисица,
зелёный шум умчался в никуда,
и замелькали, закружились лица,
и полетели листьями года.

Финал всё ближе. Тяжелее ноги.
И ничего не вспомнить, хоть убей.
Но только вдруг у бездны на пороге
я вспоминаю розовых коней.

Их гонит мальчик светленький в ночное,
над ним луна, похожая на бред...
И я - уже из вечного покоя -
из тишины машу ему вослед.

—Korona 78r

Коснись меня крылом, Сестра Печали,
увидишь, я не тот, что был вначале.
Поверишь, я обрёл такие дали,
которые не снились нам тогда.
Пойми, что я взрослел не только внешне
и сделал кое-что весьма успешно,
а если в чём-то не был я безгрешен,
так это не такая уж беда.

Я помнил о тебе всегда и всюду.
Ты для меня была подобна чуду.
И я не потеряю, не забуду
того, что нас держало столько лет.
В раздорах, в безвременье, в полном штиле
я помнил всё, чему нас научили,
и пусть порою нас неслабо били,
но мы познали терпкий вкус побед.

Коснись меня крылом, шальная птица.
Как безвозвратно наше время мчится,
и, может, что-то главное случится,
а может быть, прошло всё стороной.
Недолог век и коротки итоги,
небесконечны дальние дороги,
но пусть не будут наши судьи строги,
мы всё ж учились жертвовать собой.

Коснись меня крылом, Сестра Печали,
увидишь, я не тот, что был вначале,
чтоб мы с тобой друг друга повстречали,
коснись меня крылом, коснись меня...

Скажите мне, кто там смеётся -
на том берегу океана?
Чей голос так радостно льётся
среди волн голубого тумана?

Давно я не слышал такого
весёлого, звонкого смеха.
Он будит картины былого,
тревожит, как дальнее эхо.

И вот я уже в океане,
плыву, не боясь расстоянья,
за смехом, что так меня манит,
движение - не ожиданье.

Вы можете в это не верить,
но только доплыл я до цели,
и выполз устало на берег,
и на ноги встал еле-еле,

и слушаю - кто-то смеётся
на том берегу океана...
А голос так радостно льётся
среди волн голубого тумана!

Когда вдруг отчаянья злая петля
ложится коварно на шею мою,
когда я в застою, спасения для
о чём-то пишу и кому-то пою,
когда, разуверившись (чья здесь вина?),
готов перейти я во вражеский стан,
мне видится ясно картина одна:
как некий идадьго, страдая от ран,

забыв обо всём, поднимает копьё
и целит им в глупое сердце моё.

Мне сил не хватает, чтоб сладить с собой,
понять соглашений двуликую суть,
рвануться за истины вечные в бой,
ступить на тернистый, но праведный путь,
хотя я как будто готов уступить,
сказать, что мне нужно не больше других,
но странный идадьго летит во всю прыть,
и, кажется, мир в изумленье затих,

а он поднимает устало копьё
и целит им в глупое сердце моё.

Не знаю, что будет со мной через год,
пророчества нынче совсем не в цене,
но верю - не сдамся, покуда живёт
и скачет на тощем, как сам он, коне
честнейший из рыцарей разных времён,
наивный ребёнок немалых годов.
Идадьго. Наверное, он обречён.
И всё же за ним поспешить я готов,

и пусть он опять поднимает копьё
и целит им в глупое сердце моё!

Я в день седьмой картину завершу,
и мир, мной сотворённый, всколыхнётся.
Я кисти и палитру отложу,
и по иным законам жизнь начнётся.

Сойдут Надежда, Вера и Любовь
с холста в юдоль тревоги и печали,
ты только им ни в чём не прекословь,
они пути большого лишь в начале.

Они пройдут весь мир из края в край,
не поддаваясь лести и обману,
увидят, что такое ад и рай,
и будут получать за раной рану.

А я, творец, смотрящий им вослед,
уже не властен больше над судьбою -
я не могу их защитить от бед
и не могу прикрыть от стрел собою.

Пуста их сотворившая рука.
Да не вложите камень в эту руку!
Дорога и трудна, и далека,
и не пресечь наставшую разлуку.

Но в день седьмой, картину завершив
и проводив кораблик от причала,
я в день восьмой скажу: "Покуда жив..."
И кисть возьму.

И всё
начну
сначала.

Содержание

"Искусство - это обмен впечатлениями"	3
"Воздух свеж. Колок снег..."	7
"Мы - маленькие злые дети..."	9
"Христос воскрес уже в который раз..."	10
"Был щедрым год, плоды пригнули ветки..."	11
"Хороший умер человек..."	13
"Вот поднят якорь. Капитан..."	15
"Лёгкой сеткой дождя..."	16
"Слёзы ангелов..."	17
"Давай станцуем менуэт..."	18
"Когда приходит новый год..."	19
"Мне не пришлось в жизни ещё..."	21
"Я сотворил тебя из собственных фантазий..."	23
"Ты слышишь? За окнами ночь..."	24
"Сыплются в лицо снежные опилки..."	25
"Нарисовал художник дом..."	26
"Бывает, не спится ночами..."	27
"Мне приснилась лошадь белая..."	29
"Снова осень обложила нас дождями..."	31
"Он словно выпал из гнезда..."	32
"Я ехал и плакал..."	33
"По пустынным улицам..."	35
"Вот бакенщик зажёл огни..."	37
"Я принимал за "чистую монету..."	39
"Коснись меня крылом, Сестра Печали..."	41
"Скажите мне, кто там смеётся..."	43
"Когда вдруг отчаянья злая петля..."	45
"Я в день седьмой картину завершу..."	46

БОЖЕСТВЕННЫЙ СТРЕЛЕЦ

Стихотворения

КАРПОВ

Александр Александрович

Редактор - В. Е. Тихонов.
Художник - А. А. Карпов.
Корректор - О. В. Тихонова.
Фото - В. Вдовин.

Сдано в печать. Формат 84X108^{1/32}. Объем усл. печ. л.
Бумага. Тираж экз. Заказ.

Отпечатано в